

Бетти Роллин

СНАЧАЛА ТЫ ПЛАЧЕШЬ

Бетти Роллин

Сначала ты плачешь

«Издательские решения»

Роллин Б.

Сначала ты плачешь / Б. Роллин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858198-4

В книге описан индивидуальный опыт борьбы личности за свое сохранение при столкновении с тяжелыми обстоятельствами (в данном случае, с тяжелой болезнью). И хотя такой опыт не передается, чтение этой книги может помочь читателю поверить в себя и преодолеть свои слабости и сомнения в подобных или любых других сложных ситуациях, как помогло переводчику этой книги.

ISBN 978-5-44-858198-4

© Роллин Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие переводчика	6
Сначала ты плачешь	8
Предисловие автора	8
1	10
2	12
3	15
4	20
5	25
6	27
7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сначала ты плачешь

Бетти Роллин

Переводчик Ангелина Хрущёва

Дизайнер обложки Ольга Кандела

© Бетти Роллин, 2018

© Ангелина Хрущёва, перевод, 2018

© Ольга Кандела, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-8198-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Когда в феврале 2003 года мне в 59 лет поставили диагноз, от которого женщины «сначала плачут», я решила последовать китайской мудрости: «Если ты заболел, значит, неправильно живешь», и изменить свою жизнь. Однако, в силу стечения причудливых обстоятельств мне в руки сначала попало интервью в Нью-Йорк Таймс с автором предлагаемой вам книги, а затем, благодаря направленным усилиям равнодушных людей, и сама книга. Прочитав, я решила перевести и издать ее. В то время мне казалось, что она могла бы, хоть в какой-то степени, помочь тем страдающим, оставшимся в большинстве случаев один на один со своим несчастьем и со своими нелегкими историями женщинам, с которыми я регулярно сталкивалась в Онкоцентре. Я связалась с автором Бетти Роллин и попросила у нее разрешение на перевод книги. Такова предыстория.

Итак, я полностью погрузилась в перевод, совершенно забыв о послеоперационном стрессе. Меня покорили стойкость автора, бодрая целеустремленность, ее неослабевающая настойчивость в преодолении постоперационных проблем.

Я и Бетти Роллин живем в разных странах, имеющих фундаментальные отличия. И, тем не менее, испытания, через которые нам пришлось пройти, во многом похожи, и не только в психологическом плане; я имею в виду неожиданное пересечение наших семейных историй в той части книги, где говорится об отце Бетти, который после погромов в России оказался в Америке. Мои же бабушка и дедушка, жившие, по-видимому, где-то там же, на окраине бывшей Российской империи, пройдя через такие же погромы (о них мне рассказывала мама), а затем грабежи гражданской войны со сменой красных и белых, погибли уже при немцах в 1942 году в гетто.

По образованию я электронщик и программист, и английский знаю лишь на техническом уровне. Думаю, во многом осилить текст мне помогло то, что я хорошо понимала автора. Благодаря моему мужу мне не только удалось преодолеть трудности перевода, но и продолжить заниматься джоггингом, а также купаться в пруду как летом, так и зимой.

К сожалению, в то время готовый перевод не заинтересовал издателей, и почти десять лет отрывки из него с призывом помочь издать книгу провисели в интернете.

Выражаю признательность всем, кто поддерживал меня, кто помогал мне достать книгу (особенно О. Варшавер), кто взял на себя труд прочитать мой перевод и сделать замечания, а также Марине Шереметьевой; без ее усилий книга не увидела бы свет.

«И забавно, и грустно... и удовольствие от знакомства с автором, способным без предрассудков, не нарушая традиций, понимая все противоречия современной женщины, описать сложность нашего бытия...»
«New York Times», Книжное обозрение

«Смелая, бескомпромиссная книга, вобравшая весь ужас ночных кошмаров этой неординарной женщины. Пикантная, язвительная, не упускающая из виду комическую сторону событий писательница Бетти Роллин проникательно исследует и раскрывает перед нами вызванные телесной травмой эмоциональные и сексуальные проблемы. Восхитительная, глубоко трогаящая откровенность».
Cosmopolitan

«Книга захватывает и не отпускает до самого конца. В ней все проблемы, с которыми сталкивается сегодня практически любая женщина. Немало мужества требуется автору без самообмана взглянуть им в лицо».

Бетти Фрайден, автор книги «Тайна женственности» (The Feminine Mystique)

«Стоит прочесть!»

King Features Syndicate

«Изумительно откровенная, пронизанная теплотой и трогательной искренностью, блистательно и живо написанная книга; ни одна прочитавшая ее женщина не останется равнодушной».

United Press International

«Неординарная, оставляющая глубокое впечатление книга об окружающей действительности, любви, браке, другом мужчине и... раке груди».

Vogue

Сначала ты плачешь

Миллионам тех, кто пережил рак молочной железы, и в память о тех, кого мы из-за него потеряли.

Предисловие автора

Честно говоря, двадцать пять лет назад, работая над книгой, я не слишком-то углублялась в вопросы жизни и смерти. Мне было тридцать девять, и предметом моих волнений и тревог была грудь, с которой пришлось расстаться. Не зная никого в своей среде, кто попал бы в такую ситуацию, я считала себя белой вороной, хотя что-то мне подсказывало – дело обстояло не совсем так.

И действительно, исключительность моего положения была лишь плодом собственного воображения. Стоит, однако, заметить: шел 1975 год и едва ли кто осмеливался вслух произнести слово «рак» (в некрологах даже существовал определенный штамп – «такой-то или такая-то скончался (-лась) после тяжелой и продолжительной болезни»). Немногие решались вымолвить слово «грудь» и уж совсем считанные единицы – оба слова вместе. Откуда мне было знать, что рядом со мной немало потерявших грудь женщин, если мы не общались между собой и хранили случившееся с нами, как великую тайну.

Но я решила не прятаться, а написать обо всем книгу. Скверная штука рак, думала я, и все же история, связанная с ним, вряд ли кому покажется скучной, возражал сидевший во мне репортер. Между тем, я понимала: без искренности перед собой и читателями мне вряд ли кого удастся заинтересовать своей книгой. Да и осуществить свой замысел в 1975 году было не так-то просто – в те времена откровенность в современном ее виде вряд ли существовала. И тогда весь бушевавший в моей голове хаос я обрушила на бумагу. Закончив работу, я снова почувствовала себя в седле (разумеется, не той, что раньше), которое к тому же оказалось и удобнее и прочнее. А потом выяснилась поразительная вещь. Книга помогла не только мне, но и тем, кто ее прочитал (по их собственному признанию), что озадачило и даже смутило меня. Слова благодарности за ничем не прикрытый эгоизм!

Впрочем, и сегодня переиздание книги вряд ли может вызвать ликование. Кому была бы она интересна, не поражай болезнь каждую девятую женщину и не холодей остальные восемь от ужаса стать ее жертвой? В тот момент, когда я пишу эти строки, нет никаких объективных данных, – при всех достижениях в этой области, а они, поверьте, немалые, – позволяющих однозначно ответить на вопрос, почему рак молочной железы поражает такое большое число женщин, а значит, по-прежнему неизвестны способы борьбы с ним.

С каким восторгом обменяла бы я стойкий успех своего творения на известие о победе, – о которой, надеюсь, услышать еще при жизни – над болезнью, ставшей причиной появления этой книги.

30 сентября 1974 года из нью-йоркского Гуттмановского института диагностики заболеваний груди корреспондент отдела новостей компании Эн-би-си вела репортаж. Речь шла о широком резонансе, вызванном сообщением о перенесенной женой президента Соединенных Штатов операции мастэктомии¹, и о том, как напуганные им женщины повсеместно устре-

¹ Мастэктомия – операция по удалению молочной железы

мились в ближайшие маммологические кабинеты. В репортаже подчеркивалось, – страх продуктивен и побуждает многих действовать.

Стоя перед камерой, корреспондент особо отметила: «Причин для тревог оказаться в числе больных более чем достаточно. И все же не иначе как безрассудным можно назвать поведение тех женщин, кто предпочитает – в надежде обмануть судьбу – постоянный страх вместо обследования, цель которого лишь выявить возможное заболевание. Сообщение о болезни таких известных женщин, как Бетти Форд, помогло многим преодолеть нерешительность и получить шанс спасти свою жизнь».

Корреспондент просто выполняла свою работу. Ей было известно о решающей роли ранней диагностики и доброкачественном характере большинства новообразований. Она была знакома практически со всеми видами мастэктомии, – радикальной, простой и т.д., – и с противоречивыми мнениями по поводу их эффективности. Она разбиралась во многих вещах. И, тем не менее, стоя перед включенной камерой и информируя нацию об известных ей фактах, она не знала одного. Ей и в голову не могло прийти, что раком больна она сама.

1

Опухоль появилась у меня год назад. Думаю, не мень-ше. Она представляла небольшое твердое образование размером со спелую виноградину, и была практически незаметна, если не нащупать ее влево от соска у самого основания левой груди. Я знала о ней. Знали о ней бывший муж, мой терапевт и мой маммолог – оба теперь тоже бывшие. Но беспокойство она вызвала только у моего мужа Артура Герцога, который и обнаружил ее во время нашей близости весенним вечером 1974 года.

– Что это? – спросил он. «Не знаю». «А по-моему, опухоль», – настаивал он. «М-м-м», – уже почти засыпая, промычала я. «Может, провериться?» «Да-да, обязательно», – буркнула я и тут же отключилась.

Разумеется, осмотр я прошла. «Ничего серьезного, – заверил меня терапевт (назовем его д-р Смит). – По виду напоминает нередко встречающуюся у женщин кисту. На всякий случай направим-ка вас к маммологу».

И я отправилась к маммологу. «Никаких причин для волнения, – рассматривая на свет снимок, подтвердил он (назовем его д-р Эллби). – Приходите-ка через годик, и мы обследуем вас снова».

Уф! Наконец-то можно расслабиться. Пусть не совсем, но какое счастье вырваться из этого заведения!

Маммограммы – рентгеновские снимки молочной железы позволяют, по крайней мере, в теории выявить любые, даже едва заметные отклонения в ее структуре, хотя сама процедура их получения – занятие малоприятное. В отличие от рентгенографии грудной клетки, где вам нужно лишь расправить перед облучающим аппаратом плечи, маммография требует от вас своеобразного участия. Предварительно, еще до начала съемки, маммолог пальпирует (прощупывает) по очереди каждую грудь, – обязательное, тщательно продуманное, но ужасно нервнующее медицинское обследование. Затем с бумагой в одной и кошельком, лифчиком, блузкой и разными мелочами в другой руке вы направляетесь в соседнюю комнату, где обнаженная по пояс, поеживаясь от холода, опускаетесь перед огромным аппаратом на невысокую табуретку. Техник, молодая девушка, как правило, неразговорчивая и вечно куда-то спешащая, берет вашу грудь и, как кусок говядины, укладывает на металлическую пластину. Затем взлетевшая вверх рука поворотом рычага опускает на нее другую металлическую пластину, окончательно превращая вашу бедную расплюснутую грудь в начинку бутерброда. «Скажите, когда будет больно», – став как бы частью аппарата, произносит юное создание. «О», вскрикиваете вы, и давление на рычаг ослабевает. «Не дышите», – следует команда, (разве такое возможно?). *Хлопает дверь. Щелчок. Снова хлопает дверь.* «Дышите». Далее, напоминая балет, все то же, но с другой стороны. *(Поворот рукоятки. «Не дышите». Стук двери. Щелчок. Снова стук двери.* «Дышите»). Вот и все. Но домой идти нельзя. Пока нельзя. Вы проходите в комнату, где на стульях красного дерева и небольших диванчиках сидят женщины – некоторые с потрепанными журналами в руках – и ждете. Отпустят – рак не обнаружен. Вызовут для дополнительного исследования – тут уж, как говорится, ничего исключить нельзя. Но слово «рак» ни здесь, в приемной, ни там, в кабинете, не упоминается. Оно, как непроизносимые в словах буквы, беззвучно витает в воздухе.

Так или примерно так думала я в тот июньский день в тоскливой приемной д-ра Эллби, ожидая результата в атмосфере глубоко скрытого страха, сравнимого разве что с ужасом «жертв насилия».

И хотя подспудные опасения исчезли сразу после отрицательного заключения, полностью освободиться от них я смогла только через неделю, когда д-р Смит, изучив маммограмму, подтвердил, – никаких оснований для волнений. В огромном Нью-Йорке д-р Эллби считался

в маммологии светилом первой величины («Хирурги посылают к нему своих жен», – убеждал меня позднее один из его приятелей), а д-р Смит (кстати, тоже с безупречной репутацией) почти восемь лет был моим терапевтом. Ни у того, ни у другого моя опухоль не вызвала ни малейшей тревоги. С какой стати беспокоиться мне?

– Давай без глупостей, – огрызнулась я, когда спустя месяц Артур снова завел о ней речь. – Не делай из мухи слона. Что ты собственно хочешь, ведь обследование я прошла.

– Но она такая твердая, – жалобно настаивал он.

– А фи-бро-аде-но-ма другой и не бывает – произнесла я по слогам, довольная еще и тем, что вспомнила название. – Киста, как правило, твердая и встречается у многих женщин, но никто при этом, заметь, не считает, что у них рак.

2

Так прошел почти год. Сама опухоль ничем не давала о себе знать, чего не скажешь о постоянно возвращающихся к ней мыслях. Ведь, как не крути, она не исчезла. Время от времени я нащупывала ее указательным пальцем и нажимала – произвольный жест, каким трогашь родинку или мозоль. Все еще здесь? Да, никуда не делась. О, только бы это ничего не значило.

Как-то во время интервью с одним из врачей Гуттмановского института при съемках сюжета о раке груди я вдруг вспомнила о ней. В голове мелькнуло – не попросить ли осмотреть меня. Нет, пожалуй, не стоит. Во-первых, они все занятые люди (я знала, мне бы не отказали, но ненавидела просить об одолжении). Во-вторых, не забудь – у тебя самой масса дел. Сюжет должен выйти в эфир сегодня вечером, значит, съемку и работу над текстом нужно закончить к пяти; а сейчас – почти два. К тому же, напомнила я себе, разве два уважаемых специалиста не вынесли своего заключения? Так что не лезь в бутылку, не изображай из себя еврейскую принцессу на горошине, постарайся обойтись без «халявы», взывала я к чувству совести. Съемки в кондитерской вовсе не означают, что тебя там обязаны кормить бесплатными «Наполеонами». Даже просьба взглянуть на маммограмму, казалось, пахивала взяткой.

Да и профессиональное чутье подсказывало: как не-предвзятому репортеру от тебя требуется лишь рассказать о женщинах, многие из которых серьезно больны, но к тебе их болезнь не имеет никакого отношения. Наблюдай за происходящим со стороны. Помни, ты только журналист. Удостоверение и пропуск дают тебе право войти и выйти отсюда в любое время. При необходимости тебе помогут и даже предоставят средства защиты. Ты на особом положении. Ты – вне опасности. Сделай отметку в своем репортерском блокноте о наводящих ужас криках, но с тобой такое никогда не случится.

Впрочем, не только статус журналиста давал ощущение неуязвимости. Добавьте сюда идеальное в прошлом здоровье, не допуская сомнений в стойкости моего организма перед болезнями.

Я всегда отличалась цветущим здоровьем. Моя мама, как свойственно еврейским женщинам, много внимания уделяла питанию. Но, в отличие от установленных канонов, она наполняла ротик своей малютки не мацой и жирным куриным бульоном, а говяжьими филейчиками и проросшими пшеничными зернами. В вопросах питания она руководствовалась исключительно советами корифеев диетологии. С ее кухни напрочь были изгнаны не только картофельные чипсы, но и ломтики белого хлеба. Время от времени, на дне рождения у какого-нибудь из друзей, я осмеливалась попробовать хот-дог, но сознание совершенного греха неизменно толкало к покаянию. «И ты ела эти отбросы?» – спрашивала мама, качая головой, будто каждый раз я сообщала о своей беременности, и теперь ей предстояло выяснить, когда же при воспитании ребенка она допустила ошибку.

Любой восстал бы против такой матери. Бунтовала и я, – покуривала, ходила на свидания с христианами. Нерушимым оставался лишь запрет на сдобные булочки и кока-колу.

И правильное питание принесло свои плоды. Среди страдавших всевозможными хроническими болезнями родственников с обеих сторон наше семейство – отец сидел на той же диете – считалось едва ли не образцом безупречного здоровья. Мама гордилась нашей с отцом жизнестойкостью и выносливостью, как в других семьях талантами и красотой своих чад. Никогда не отказывала она себе в удовольствии рассказать, какое жалкое зрелище представлял собой отец в доме родной матушки. «Чудесная женщина, – говорила она о бабушке, русской по происхождению, – но ее кухня... Диву даешься, как ей удалось не погубить собственных детей».

Разумеется, ее диета не могла уберечь меня от обычных в детстве болезней, но они, как правило, протекали и быстрее и легче, чем у сверстников. И, разумеется, такой факт не остался незамеченным. «Так, небольшая припухлость, доктор даже не уверен, свинка ли это, – сообщила она в телефонном разговоре своей сестре. – Ну, где ты слышала, чтобы ребенок, вскормленный на курином бульоне, при ветрянке поправился за три дня?»

Материнская гордость за здоровье своего отпрыска не притупилась даже, когда я повзрослела. «Бетти не пользуется никакими лекарствами, даже аспирином, – заявила она Артуру еще до нашей свадьбы. – Не говорю уж о неведомой ей головной боли».

После мы с Артуром слегка прошлись на эту тему. «Разумеется, у меня и в мыслях не было заподозрить в тебе наркоманку, – заметил он, – но думаю, пару раз головка у тебя все же побаливала. Какой дурак захочет жениться на женщине из книги рекордов Гиннеса?»

Но возражать ему я не стала. Мама, хоть и изводила всех своими разговорами о моем здоровье, была права. Действительно я не пользовалась аспирином, и меня не беспокоили головные боли. Порой я все же сомневалась в том, что правильное питание – панацея от наследственных болезней. Едва ли пшеничные зерна с полей Канзаса, пусть и потребляемые в сыром виде, смогут защитить меня от передаваемых из поколения в поколение желчных камней, мигрени, почечной недостаточности и высокого давления. Но факт оставался фактом, к тридцати девяти годам у меня и намека не было ни на один из упомянутых недугов. И уж тем более, меня не интересовали болезни, не отмеченные в анналах нашего рода. По моим сведениям, ни со стороны отца, ни со стороны матери, ни в прошлом, ни в настоящем никто не слышал о раковых заболеваниях.

Прошел почти год. К тому времени из средств массовой информации стало известно о перенесенных Бетти Форд и Хэппи Рокфеллер² операциях мастэктомии. В новостях замелькали разного рода сообщения о раке молочной железы, которые за прошедшие десять месяцев в сочетании с собственными репортажами значительно расширили мой, и не только мой кругозор. Одновременно по мере публичного обсуждения проблемы в обществе нарастал страх. Нация вдруг осознала, каким высоким оказался уровень заболеваемости, – только в 1974 году было зарегистрировано девяносто тысяч случаев. Заголовок Нью-Йорк Таймс гласил: «большинство женщин умирают от рака груди» «От рака груди в Северной Америке и Западной Европе умирает каждая двадцать пятая женщина. Среди женщин в возрасте от двадцати пяти до тридцати четырех лет он занимает второе после самоубийств место; среди женщин в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти четырех и выше – первое, а среди женщин в возрасте после пятидесяти четырех – второе после сердечно-сосудистых».

Так в чем причина его возникновения? Поражающих воображение гипотез хватало, но достоверно не знал никто. В основном предположения касались женщин групп риска. К их числу относили тех, у кого раком болела сестра, мать или тетя; у кого не было детей или они появились после двадцати; женщины в период менопаузы; женщины первого поколения из среды еврейских переселенцев из Восточной Европы; женщины с повышенным кровяным давлением и диабетом. Кроме вирусной теории, существовала еще теория карциногенного влияния противозачаточных таблеток и животных жиров. Что касается первого фактора, то известно лишь, что процесс развивается с участием женских гормонов, характер которого не совсем ясен. Во втором случае основанием служили результаты широкого исследования, достаточно убедительно показавшего, что переехавшие в США и перешедшие в питание на животные жиры японские женщины гораздо больше подвержены риску заболеть раком молочной железы, чем на своей исторической родине.

От устрашающей статистики наряду с беспорядочной и непроверенной информацией о возможных причинах болезни женщины в страхе и панике ринулись к специалистам-маммо-

² Жена президента Форда и жена вице-президента Рокфеллера

логам. И чем больше их втягивалось в этот круговорот, тем больше поводов для волнений им подкидывали (не без моего участия) средства массовой информации. Побуждаемые отовсюду звучащим призывом: «Ранняя диагностика может спасти вашу жизнь!», женщины, обучившись самостоятельно обследовать грудь, лихорадочно выискивали у себя симптомы рака.

И, тем не менее, не всегда страх толкал к действию. Порой, обнаружив у себя опухоль, женщина не только ни-куда не обращалась, а впадала в оцепенение от ужаса. «Это ж позор! – возмущалась в телефонном разговоре со мной некто из Американского общества изучения раковых заболеваний. – Ведь они просто себя губят. Большинству из них ничего не грозит. Они думают, раз у них опухоль, значит, обязательно рак. Но это далеко не так. Девять из десяти новообразований имеют доброкачественный характер».

«Знаю, знаю, – мысленно поддакнула я. – Как раз мой случай».

3

Менее чем через год я вновь отправилась к д-ру Элби. Мой первый визит пришелся на июнь 1974. Теперь на дворе стояла вторая половина мая 1975 года. В комнате ожидания мало что изменилось. Те же бесцветные диваны, примерно столько же и с тем же выражением на лицах – от равнодушного до мрачного – ожидающих приема женщин. Не захватив по глупости ничего почитать на случай ожидания, пришлось довольствоваться, как и в прошлый раз, старым журналом по благоустройству дома.

После получаса изучения статьи «Перепланировка вашего загородного дома» (которого у меня не было) и другой о каких-то житейских хитростях по устройству полок для бумаг меня охватило раздражение. «И долго еще ждать?», – поинтересовалась я у регистраторши.

– Думаю, не очень – не слишком забота о правдивости ответа, заученно произнесла она.

Прошли следующие полчаса. В комнате сидели примерно пятнадцать женщин. «Черт, побери! – взыграла во мне феминистская желчь. – Интересно, решились бы они держать в такой дыре, да еще в разгар рабочего дня 15 мужчин. Едва ли. У тех каждая минута на счету! Они что, полагают, мы не в состоянии найти себе более достойного занятия? Сукин сын! Позаботился бы лучше о свежих журналах вместо этого старья». Глядя на по-прежнему ничего не выражавшее лицо регистраторши, в ее закрепленные штифтом стекла очков я подчеркнуто пренебрежительно процедила: «Похоже в вашей системе что-то не так». Пожатие плеч вместо ответа следовало понимать, как «вы же видите, я не сижу, сложа руки». Пришлось вернуться к статье про полки с бумагами.

Наконец, меня вызвали. «Бетти Роллин (прозвучало как Роулэнд)», – объявила сестра с папкой из манильского картона подмышкой. Я вошла. Те же, как при последнем посещении, пустые формальности, раздевание по пояс и беглый осмотр.

– Я по поводу своей опухоли, – начала я, едва он ее коснулся. И раздраженно, отвечая на вопросительный взгляд, добавила – Она у меня почти год. В прошлый раз вы не усмотрели ничего серьезного и порекомендовали придти через год.

Он кивнул, обвел опухоль черным карандашом и, буркнув «Потом смоете», вышел.

– Возьмите, пожалуйста, вещи и пройдемте со мной, – пригласила меня невысокая, бесцветная, как прошлогодняя листва, молоденькая лаборантка.

Из-за длительного ожидания знакомая процедура приготовления сэндвича с грудью раздражала еще больше. Часы показывали шесть, значит, я уже потеряла полтора часа.

Приведя себя в порядок, покинула здание и через квартал из гастронома на углу позвонила Артуру: «Придется ждать этот чертов снимок. Думаю, не меньше получаса».

Выйдя на улицу, обратила внимание на босоножки в витрине, зачем-то зашла в магазин и купила их. Становилось прохладно, похоже, собирался дождь. Пора возвращаться. В приемной сидели лишь регистраторша и две женщины.

– Доктор хочет еще раз осмотреть вас, – сказала она.

– Ого, что-то новенькое? – вздрогнув, мысленно произнесла я и вошла в кабинет. На сей раз всю работу выполнял сам д-р Элби. Никаких сэндвичей на скорую руку. Да и аппарат другой – не столь внушительный, но, как показалось, более холодный, и, обхватывавший грудь не снизу и сверху, а сбоку. Пришлось даже наклониться. Из отрывочных замечаний доктора удалось понять, что прежний аппарат не смог обнаружить расположенную далеко слева опухоль. Ее вообще не оказалось на снимках. И тут я ощутила в животе спазм.

– Когда будет известен результат? – стараясь не выдать беспокойства, поинтересовалась я.

– Видите ли, в субботу я собираюсь в Аргентину, – начал он. (Сегодня был еще четверг.) «Ну и что? Мне-то, собственно, какое дело, куда ты намылился, – мысленно разозлилась я. – Нашел время проветриваться. Придурок!» «Результат отправят вам по почте, – далее

опять что-то маловразумительное. – Разумеется, в случае чего-то непредвиденного, немедленно сообщим вашему врачу».

– Когда?

– Завтра.

На следующий день у меня скопилась куча дел, и все из-за этого чертова Эллби, в приемной которого накануне я проторчала столько времени (остаюсь и сейчас при своем мнении). Редактирования ждал уже поднадоевший сюжет о женском журнале, и другой – как раз интересовавший меня – о подростковом алкоголизме, для которого еще требовалось собрать и подготовить материал. Специалист, работавший в Калифорнии с юными любителями выпить, обещал, не совсем, правда, уверенно, провести нашу бригаду телевизионщиков на собрание молодежной группы Общества анонимных алкоголиков. Шокировал сам факт существования такой группы. Впрочем, телевидение признает лишь отснятое и показанное на экране. По опыту знаю – кадры такой встречи могли стать сенсацией. К сожалению, до сих пор мне так и не удалось связаться с этим человеком. Я оставила для него сообщения, где только могла, но он пока так и не объявился. Собрание было назначено на предстоящий понедельник (сегодня пятница), значит, на тихоокеанское побережье нужно будет отправиться не позднее, чем в воскресенье, а может и завтра.

На субботу мы с Артуром запланировали вечеринку. Если поездка в Калифорнию состоится, придется всех обзванивать и отменять мероприятие. Часы показывали 11—30. Проклятье! Ну не гнусное ли занятие – сидеть и с нетерпением ждать звонка, будто тебе семнадцать лет и решается судьба предстоящего субботнего свидания. В раздумье – не заняться ли сюжетом о женском журнале – я крутила в руках карандаш и вздыхала. Наконец, чувствуя, что вряд ли смогу сосредоточиться, еще раз вздохнув, тупым концом карандаша переключилась на другую линию.

Сначала позвонила маме и договорилась с ней, где и когда мы пообедаем. Потом парикмахеру. С ним утрясла время на случай, если поездка в Калифорнию не сложится. И только потом – линия с Калифорнией по-прежнему молчала – отыскивала номер д-ра Смита. Секунд десять отрешенно смотрела на него и, наконец, отбросив сомнения, разрешила себе в кои-то веки побыть занудой.

– Извините за беспокойство, – услышав голос д-ра Смита, начала я. – Дело в том, что д-р Эллби после моего вчерашнего посещения обещал известить вас, если что-то окажется не так. Полагаю, ничего серьезного, но хотелось бы убедиться. Возможно, какое-то время меня не будет в городе...».

Ответ последовал не сразу. Каждое слово в нем звучало, как тщательно отрепетированное. Помню только «...ни-чего угрожающего, но удалить все-таки стоит».

– Когда? – несколько обескураженная, тоже не сразу, отреагировала я.

– Запишите телефон д-ра Зингермана. Хирург от Бога. Договоритесь с ним о встрече. Остальное он возьмет на себя.

– Это срочно?... Скорее с досадой, чем с тревогой допытывалась я. Зачем тратить время впустую? Разве д-р Эллби не обрисовал ситуацию? Я по-прежнему не осознавала, в каком направлении развиваются события. «Видите ли, доктор, вероятно, на недельку я отлучусь в Калифорнию. Насколько это... может вернуться пораньше... короче, насколько все серьезно?»

– Думаю, Бетти, конец недели в самый раз, – уходя от ответа, подытожил он, но, поняв, что я не собираюсь вешать трубку, добавил – Послушайте, Бетти! Как правило, такие вещи оказываются доброкачественными, но лучше все-таки ее убрать. Вы согласны?

Согласна? Разумеется, согласна. Разве у меня был выбор? Повесив трубку, я растерянно уставилась на телефон. Мыслей о Калифорнии – как ни бывало. Их место занял рак, но не тот, о котором я знала и писала. Рак, рак, рак – стучало в голове. В моей груди – я потерялась об нее

внутренней стороной предплечья – поселилась раковая опухоль. И тут телефон ожил – звонили из Калифорнии. «Все в порядке – послышалось в трубе. – Выезжайте».

Вот где твоя настоящая жизнь! – мысленно возликовала я. Давай, дружище, не подкачай! Что здесь непонятного? Пока, Бетти, фортуна на твоей стороне. По существу ведь ничего не изменилось. Досадная заминка, не более. Взгляни на случившееся, как на неизбежность. Вспомни зуб мудрости. Всего-то и пришлось пожертвовать свадьбой лучшей подруги. Разве не помнишь, как быстро ты поправилась? С опухолью будет точно также. – Вертелось в голове. – Ну, потеряю денек, в конце концов.

Тем не менее хирургу я позвонила уже из Калифорнии. Его секретарша объяснила, как лучше поступить: одновременно записаться на предварительное обследование и госпитализацию. «Отлично, – согласилась я. – Когда? – Едва ли дела в Калифорнии задержат меня надолго. – Как насчет следующей недели?»

– Вряд ли, – возразила та. – То есть, я хочу сказать, врач примет вас, когда вам удобно, а вот госпитализация возможна, думаю, не раньше чем через несколько недель.

– А если постараться, – стремясь побыстрее прояснить ситуацию, настаивала я и неловким движением содрала кожу возле ногтя указательного пальца. Выступила кровь.

На другом конце повисла странная пауза. «Скажите..., вы случайно не с телевидения?»

– Да, – улыбнулась я, без колебаний решив воспользоваться выпавшей козырной картой. Мой скромный опыт (третьеразрядной звезды) подсказывал: раз секретарша видела меня на экране, она не пожалеет усилий и поможет мне. Трудно объяснять такие вещи, если вы с ними не сталкивались, но такова проза жизни.

Естественно, перезвонив через час, я узнала, что операция назначена на понедельник, в больницу я должна буду лечь в воскресенье, а накануне, в пятницу, – прийти на прием к д-ру Зингерману. Слов нет, отвратительно, когда место в больнице достает случайно видевшая тебя в программе новостей Эн-би-си секретарша, но еще более мерзко выглядит моя готовность принять одолжение. Впрочем, в подобных ситуациях я исхожу из принципа: если подарок (или услуга) не имеет компрометирующую цену, а обстоятельства вынуждают им воспользоваться (чего я стараюсь не допускать), скрепя сердце, я принимаю его; если без него можно обойтись, – взять тот же Гуттмановский институт – пусть не без сожаления, я все-таки отказываюсь.

Второй звонок я сделала из Беверли-Хилз от своей старой подруги владелицы рекламного агентства Милисии Браверманн. Крупная красивая умная женщина с великолепным характером. Примерно год назад ей удалили доброкачественную опухоль. По-видимому, после разговора с Нью-Йорком я выглядела весьма удрученной. Покачав головой, она к моему удивлению неожиданно принялась расстегивать блузку. «Ради Бога, – торопливо говорила она, – ты только взгляни. *Практически* никаких следов. – Освободив из лифчика грудь, словно та была книгой, которую мне предстояло прочесть, она показала горизонтальный, размером с дюйм, шрам повыше соска. – Видишь, – убеждала меня она, – Ни-че-го! А ведь когда все произошло, я скорее напоминала колышущееся от страха дерьмо».

– Да-а! – рассмеялась я и, желая доставить ей удовольствие, добавила. – Совсем незаметно!

Разумеется, обе понимали: нас пугали не шрамы, а диагноз и вытекающие из него последствия. И все же, вопреки страхам, я ни минуты не сомневалась в доброкачественности собственной опухоли. Единственное отличие от подруги – мой малюсенький шрамик сбоку будет еще менее незаметен.

Как мило с ее стороны так поддержать меня. Если в будущем мне доведется узнать, что кто-то готовится к операции, я тоже, как Милли, по-приятельски покажу свой шрам.

В своей быстро промелькнувшей псевдоальтруистической фантазии я даже мысли не допускала оказаться в роли жертвы. Кто угодно, только не я.

Нескольких месяцев спустя я с недоумением спрашивала себя, почему, несмотря на предостерегающие сигналы, я не желала замечать опасности. Впечатление такое, будто в мою память еще до рождения занесли исключавший любые сомнения постулат: «Ничего Плохого с тобой Никогда не случится». Такая уверенность родилась с первых минут появления на свет. Единственная дочь не чаявших в ней души родителей я всегда ощущала данную мне от природы особую защиту от сил зла. Разумеется, и меня не обошли черные дни, особенно, в двадцать лет, когда я никак не могла определить, чего хочу и как добиться своей цели. Как и многие женщины, я страдала из-за мужчин, у меня возникали неприятности по работе, а как-то дело дошло даже до услуг психоаналитика. (В те времена я уже могла себе это позволить). Я не просто была единственным избалованным ребенком, я жила в атмосфере всеобщего обо-жания и ожидания. У меня было все, чтобы, по мнению окружающих, совершить нечто осо-бенное.

Не всем, так называемым еврейским принцессам, удается такое. Для большинства их блестящие перспективы с замужеством заканчивались. Но я-то олицетворяла собой и Принца и Принцессу, а потому рождение девочки отнюдь не разочаровало моих родителей. А из-за чего собственно волноваться? Обе ипостаси помогут мне, во-первых, без труда выйти замуж (слава Богу, он создал меня хорошенькой), а, во-вторых, стать врачом (еще раз спасибо Ему за ум). Ну, нет, только не медицина, даже в угоду родительскому тщеславию. Но добиться успеха стоило.

Мне и самой хотелось оправдать возлагаемые на меня надежды, особенно, когда, повзрос-лев, поняла: в противном случае тебя ждет скучная работа или брак. (Не забывайте, в конце пятидесятых хорошенькие девушки работали только до замужества.)

Волей судьбы я оказалась на актерских подмостках. На одном из студенческих спектак-лей меня заметил театральный агент и пригласил на прослушивание. Так что чуть ли не в день окончания колледжа я приступила к репетициям роли Дэйнти Фиджет в «Жене из провинции» Уичерли³ на сцене экспериментального, (пусть и не бродвейского) театра. Мое участие выгля-дело весьма забавно – практически безмолвное фланирование с веером в руках по сцене. Да-а-а, быть актрисой, да еще в Нью-Йорке, далеко не так романтично, как может показаться, но несомненно лучше, чем секретаршей. Трудолюбие не сделало меня звездой, хотя учиться мастерству у признанных профессионалов – занятие (при всем его ежедневном изматывающем характере) захватывающее и, в отличие от прежних моих увлечений, поучительное.

Какое-то время спустя с актерских подмостков я плавно перекочевала в среду людей пишущих. Началось все с предложенной издательству «Даблдэй» идеи рекламы книги. Далее последовали журнальные публикации и брошюры, а за ними – должность редактора отдела в журнале «Вог». В конце концов, я осела в журнале «Лук», где у меня, как у старшего редак-тора, была собственная колонка.

Как человеку, со страстью отдающегося делу, мне практически все удавалось. Не без мел-ких неприятностей, но то была золотая пора, которую, как нередко бывает с людьми в такой ситуации, я считала вполне заслуженной. Я была беззаботна и довольна собой. Я не обманула надежд мамы и окружающих, а с возрастом, как мне стало казаться, и своих собственных. Замуж, пусть и поздно, я вышла. Детей у меня не было, да я их и не хотела. Я плакала, когда закрылся журнал «Лук», где почти постоянно пребывала в приподнятом настроении. Следую-щим местом приложения моих сил стал отдел новостей Эн-би-си, куда я поступила, избежав искушения перейти в «Лайф» (спустя год также приказавший долго жить). Первое время при-шлось нелегко. Как репортер, я начинала практически с нуля. Ни опыта, ни навыков в осве-щении важных политических новостей до работы на Эн-би-си у меня не было. Но я училась, и успех не заставил себя ждать.

³ Уильям Уичерли (1640 – 1716) – английский драматург

Как я и предполагала, а, может, именно поэтому, у меня все получилось. Никаких выдающих способностей в сравнении с теми, у кого жизнь не сложилась – только вера в себя, в свою удачу и в благосклонность фортуны. Умом, разумеется, я понимала, что жизнь непредсказуема и жестока. Чего стоит массовое уничтожение евреев во время Второй мировой войны. Сегодня такие вещи возможны разве где-то во Вьетнаме, ну, или, на крайний случай, в Гарлеме за углом. Но так уж сложилось, житейские невзгоды меня не коснулись. Лишения, несправедливости и болезни были для меня так же далеко, как Бангладеш... и так же маловероятны, как рак.

4

Уже в пятницу, возвратившись в Нью-Йорк, я сидела в монтажной студии вечерних новостей. Отснятые на собрании анонимных алкоголиков кадры производили жуткое впечатление. Рассказывавшие о себе⁴ – а ими были дети-алкоголики – не стеснялись в выражениях, вряд ли обращая внимание на камеру. Их откровения о том, как они напиваются – это в свои-то пятнадцать лет – с описанием последующих «захватывающих» приключений мало кого могли оставить равнодушным. Я понимала, если фильм удастся, – в чем у меня не было никаких сомнений – проблема детского алкоголизма получит такое освещение, которое может оказаться не под силу даже группе ученых экспертов.

Предчувствие успеха вносило в атмосферу монтажной приятное оживление. Практически весь день мы вместе с редактором и режиссером-постановщиком просидели в полутемной комнате, снова и снова просматривая и перезапуская ленту, отмечая удачные кадры и пытаясь выстроить логически выверенный сюжет.

Может, начнем с собрания? Думаю, не стоит. Оставим, пожалуй, его для концовки, а в первых кадрах лучше покажем детей, выпивающих за стойкой бара захолустного городка. Обозначим проблему, а уж потом будем раскручивать тему.

Визит к Зингерману я запланировала на конец дня в надежде все-таки успеть закончить работу над сюжетом. Подсознательно я не исключала, что на какое-то время с ней придется расстаться. Но если удастся составить и записать текст, со всем остальным коллеги справятся.

Со стороны могло показаться, будто я смирилась с надвигавшимися на меня событиями. Ничего подобного. Только на уровне рассудка. Охватившее на какой-то момент в Калифорнии близкое к панике настроение прошло. Так быстро мчащийся автомобиль оставляет позади аварию на дороге. Мимолетный взгляд, легкое движение руля, и машина, не сбавляя скорости, несется дальше. Вполне нормальная реакция. Стоит ли беспокоиться о том, что с тобой вряд ли произойдет? Бесплезная трата сил и времени. Они итак у меня на вес золота и я вовсе не намерена разбрасываться ими, тем более из-за такого маловероятного события, как рак. Девять из десяти опухолей доброкачественные, – каждый день напоминала я себе. В нашем роду никто никогда не болел раком. Я молода. Да и не может со мной ничего такого случиться.

В тот день закончить намеченную работу мне так и не удалось. Стремясь не упустить наиболее важное из внушительного по объему и полностью укладывавшегося в сюжет отснятого материала, мы просматривали его не спеша, так что к моменту моего ухода едва добрались до интервью с организатором съемки. Сама сцена получилась неплохо. «Одни считают себя гадкими, другие – ни на что негодными созданиями, а третьи – непробиваемыми тупицами. Стоит ли удивляться их желанию отгородиться от общества банками и бутылками с алкоголем...»

– По-моему, вполне приемлемо – заметила я, обращаясь к режиссеру-постановщику. – А вообще нужна ли она? Как ты считаешь?

– Давай, пока с ней повременим. В конце концов, в любой момент ее можно будет убрать, – предложил он.

Часы на стене показывали четыре тридцать. Прием назначен на пять. На дорогу до клиники уйдет не меньше получаса. «Проклятье!» – мысленно чертыхнулась я и поднялась. – К сожалению, вынуждена вас покинуть.

Редактор нажал кнопку «стоп». Оба были в курсе предстоящей мне, как они считали, несложной операции. «Когда тебя ждать?».

⁴ на собрании анонимных алкоголиков его участники пытаются, как можно искренней, рассказать о своей жизни.

– Возможно, в конце недели. Думаю, вы и без меня разберетесь. О, кей? – и, натягивая на ходу пальто, помчалась к лифту.

Как оказалось, кабинет д-ра Зингермана располагался на Пятой авеню в одном из внушительных старой постройки зданий, заполненного многочисленным медперсоналом и психоаналитиками. Выйдя из такси, я тотчас увидела Артура, ожидавшего с сигаретой в руках под козырьком у входа. Выглядел он ужасно. «Ну, не будь ты таким мрачным, – слегка прижавшись, ободряюще шепнула я. – Всего-то посещение врача».

Его подавленный вид странным образом взбудрил меня – аномалия, сохранившаяся со времен сценической карьеры. Ничто после бессонной ночи накануне спектакля не действовало на меня так успокаивающе, как вид не владевшего собой партнера. Помню, на премьере какой-то пьесы перед самым выходом на сцену я вдруг ощутила в коленях такую дрожь, что казалось – сделай я шаг и тут же рухну. Выйдя на сцену, где мне предстояло обменяться парой реплик с партнером, я при первых же его словах увидела, как у того трясутся не только челюсти и губы, но и, самое удивительное, лоб. Бедный, бедный, подумала я, и словно от глотка живительного источника дрожь исчезла. Но бывало и наоборот, и нередко, когда вид уверенного в себе профессионала не оставлял камня на камне от моего психологического настроения. Своего рода эмоциональный переход в состояние от противного. Партнер раскован – ты начинаешь паниковать, и, напротив, его бьет нервная дрожь, а тебе становится легко и даже весело.

Так в сопровождении нерешительно ступающего мужа я перешагнула порог выдержанной в довольно мрачных тонах приемной д-ра Зингермана. Актерский опыт подсказывал: сегодня у тебя роль жизнерадостной героини. «Какая приятная расцветка, – защекотала я, оглядывая темно-зеленые стены холла. – Вот бы заменить нашу безобразно яблочную на такую». В ответ – ни звука.

Собственно его подавленный вид меня не удивил. Он и раньше всегда болезненно воспринимал любое мое недомогание. Причина, на мой взгляд, лежала в его прошлом, большую часть которого он провел возле прикованной артритом к постели ныне покойной матери. Отец оставил их, когда Артур и его младший брат были совсем детьми, и ему, как старшему, пришлось ухаживать за страдающей от постоянных болей матерью. Ее непрерывные стоны, как однажды он признался, превратили его ночи в один сплошной кошмар. При малейшей проблеме у меня со здоровьем, – даже легком расстройстве желудка после посещения китайского ресторана – он тут же терял самообладание. Стоило мне чуть-чуть приболеть, как настроение у него портилось, а едва заметное заикание усиливалось, и так продолжалось до тех пор, пока я не приходила в норму. Любое отклонение в моем самочувствии вызывало у него раздражение. Такую реакцию психологи объясняют попыткой выместить на мне подавляемую при жизни матери досаду, накопившуюся за годы ее болезни. Меня же перепады его настроения приводили в бешенство.

Но сейчас он не злился (как и после всего, что произошло; во всяком случае – я не замечала); скорее его беспокоили перспективы нашего с ним общего будущего. Оказывается девушка с безупречным здоровьем, – не она ли расписывала, как мать в детстве подкармливала ее ростками пшеницы, – на которой он женился, не сегодня-завтра превратится как его несчастная старушка-мать в инвалида!

Но, черт побери, я вовсе не чувствую себя больной. Я в отличной форме, и не в моем характере поддаваться панике.

Нажав кнопку звонка против нужного имени на входной двери, мы вошли, когда та открылась, и, отметившись у регистраторши, расположились на уродливых стульях орехового дерева. Обстановка во многом напоминает приемную д-ра Эллби, отметила я, и потянулась за журналом. Слава Богу, «Ньюсвик» за этот год! В отличие от приемной д-ра Эллби, в комнате, кроме неподвижно сидевшей женщины, никого не было. За те десять минут, что я несколько

раз на нее взглянула, она ни разу не пошевелилась; лишь время от времени на ее лице невольно подрагивали веки. Минут через пятнадцать сестра пригласила нас войти.

Во внешности д-ра Зингермана, кроме седых волос, очков, крепкой челюсти и шелкового галстука, в глаза бросалось бельмо на глазу. В небольшом, несколько мрачноватом отделанном кожей кабинете он занял место за столом, а я кресло сбоку. Артуру достался невысокий стул у меня за спиной. Не дожидаясь вопросов, я кратко описала ситуацию: когда впервые обнаружила опухоль, что сказали доктора и все остальное. Пока я говорила, он, не прерывая, слушал; потом задал несколько вопросов для медицинской карты. Возраст? Были ли беременности? Известны ли случаи новообразований у родственников? «Достоверно знаю, что нет» – как можно убедительней громко ответила я. К концу опроса я почти не сомневалась – экзамен мной сдан на «отлично».

Затем он, как мне показалось, без энтузиазма вытянул из конверта несколько снимков, – мои маммограммы – не вставая с кресла, развернулся к стене, вставил оживляемые бликами черные снимки в проектор и щелкнул выключателем. «Да-а-а – протянул он, – Не много же тут разглядишь – и, выключив проектор, поднялся. – Что ж, давайте, посмотрим». Я проследовала за ним в соседнюю комнату. Голова гудела. Появилось ощущение нереальности. «Вот вам, пожалуйста, – думала я, взбираясь на стол, – еще одна нелепость». К горлу подступила неуместная, но знакомая тошнота. Несколько раз нечто подобное я испытала при заходе самолета на посадку и, будучи дома одна, при пугающих внезапно доносившихся с улицы звуках. И каждый раз страхи оказывались пус-тыми, так что приходилось признать себя полной психопаткой.

Я лежала на спине, а д-р Зингерман пальпировал левую грудь. «Руку назад». Опять прощупывание. То же, но с другой стороны. Осмотр как осмотр, разве только в отличие от обследований д-ра Смита и д-ра Эллби, более скрупулезный. «Сядьте прямо!» Снова прощупывание. Отвел руку в одну сторону, в другую, сунул ладони подмышки, точно собрался приподнять меня, и под конец, предварительно предупредив, сжал сосок. Я знала, иногда при раке из него выделяется жидкость. Ни жидкости, ни боли. «Одевайтесь», – бесстрастно произнес он. Похоже, практикum ты тоже сдала успешно, решила я, вслушиваясь в его голос.

Вернувшись в кабинет, торопливо опустила в кресло и застыла в ожидании приговора. Артур в прежней позе курил одну сигарету за другой.

Не помню, с чего именно начал д-р Зингерман, но едва до меня стал доходить смысл его слов, как голова закружилась и глаза наполнились слезами.

– ... несомненно, там что-то есть, ... некое новообразование... очень вероятно, злокачественное.... Разные виды мастэктомии, ... возможно, вы знаете... некоторые женщины предпочитают разделить процедуру..., узнать результаты исследования.... В моей практике... впрочем, разумеется, решать вам.

Он замолчал. Ждет моего решения, поняла я. Выглядело так, будто мне самой предстояло выбрать – позволить отрезать одну грудь или что-то к ней в придачу.

Медленно повернувшись в кресле, я взглянула на Артура. Глаза его смотрели куда-то вниз. Позднее он признался, что был не в силах поднять их. Стараясь не нарушать приличий, я снова развернулась лицом к доктору и услышала свой голос: «Вы хотите сказать, что обнаружили у меня рак? – До этого момента слово „рак“ не прозвучало ни разу. Очень-очень скоро мне предстояло узнать, что сами врачи никогда его не используют. – Насколько я понимаю, полной уверенности у вас нет. Какова же на ваш взгляд вероятность...»

Облокотившись на стол, он улыбнулся. «Все требуют цифр. Трудно сказать, но возможно, семьдесят к тридцати или шестьдесят к сорока».

И снова до меня донесся собственный голос: «Вы хотите сказать, что вероятность рака в моем случае – семьдесят или шестьдесят процентов? Именно это Вы имели в виду?»

Мои слова, как показалось, несколько смутили его. «Послушайте, ... цифры – это всего лишь цифры. Их требуют от вас, и вы их называете. Но разве можно гаран-тировать их достоверность, пока... с другой стороны...». Он замолчал и поднялся. Следом поднялся Артур. Я тоже встала. И тут ноги у меня подкосились.

Это не был обморок в прямом смысле слова. Сознание я не потеряла, не упала и не ударились. Кабинет был таким тесным, что стоявший рядом Артур успел подхватить меня. В комнате был небольшой диванчик, и я особенно отчетливо помню, как он укладывал меня на него. Ноги не помещались, и, как мокрое полотенце, он перекинул их через подлокотник. «Сейчас, сейчас все пройдет», – попыталась я их заверить. Но едва ли мои слова могли хоть кого-то убедить, потому что тут же противно, громко, со всхлипываниями я разрыдалась... Стараясь сдержаться, я изо всех сил, точно чужое, сжала лицо руками. Внезапно под пальцами на щеке ощутила что-то странное. Искусственная ресница. Сунула ее в карман, где и обнаружила – скрутившуюся с налипшим сором – три месяца спустя.

Увидев, как я падаю, Зингерман тут же покинул кабинет. Откуда-то из внутренних комнат донесся его возмущенный голос. «Никогда не знаешь, чем все это кончится. Ее врач убеждал меня – можешь говорить с ней профессионально... Все требуют от тебя правды... и вот вам, пожалуйста, смотрите, во что это выливается». Я убрала руки с лица. «...Очень расстроилась...» – голос Артура. «Думаю, не менее шестидесяти процентов...» – снова Зингерман.

Приподнявшись, я встала. На столе лежала пачка салфеток. Вытянув одну, тщательно протерла лицо. Вернулся Артур. «Все в порядке», – почему-то шепотом произнесла я. Он обнял меня и, ступая, как пожилая пара, мы медленно покинули кабинет. В приемной, кроме сестры и Зингермана, никого не было. Пожалуй, он был смущен не меньше меня. «Извините... – по-прежнему едва слышно стала оправдываться я, – Сейчас уже все в порядке».

– Боже! – пробормотала я, когда мы оказались на свежем воздухе. – Сколько же раз в неделю ему приходится присутствовать при таких сценах? Артур покачал головой и, остановившись, закурил новую сигарету. Спичка в его руке дрожала.

Зеленые обои уже не выглядели так привлекательно – словно, покрывшись плесенью, они потемнели. Воздух на улице был до странности мягким и теплым. Дул легкий ветерок. Ничего не изменилось. И я снова заплакала. Швейцар с бесстрастным лицом подозвал такси. Мы сели. Артур назвал адрес. Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Некоторое время мы ехали молча.

– А знаешь, диагноз может и не подтвердиться, – почти прошелестела я.

– Разумеется, – также тихо согласился он, и снова в салоне воцарилось тишина.

Слава Богу, с собой у меня были солнцезащитные очки, так что, выйдя из такси, я смогла, не привлекая внимания, пройти мимо консьержки. Не проронив ни слова, мы поднялись на лифте. На площадке Артур долго возился с ключами; наконец дверь распахнулась.

Вот мы и дома. Как я любила нашу уютную, полную сумасбродств, квартиру, на обустройство которой ухлопала столько сил и едва не свела с ума двух декораторов. «Да ведь это же не Версаль, черт побери», – не выдержал как-то один из них. При виде расставленных на подоконнике цветов в изящных горшочках я снова залилась слезами и, уже ничего не замечая, спотыкаясь на каждом шагу, добралась до спальни и рухнула на постель. Следом вошел Артур. В голове мелькнуло: надо бы убрать покрывало – от слез останутся пятна. Артур лег рядом и обнял меня. Странное чувство – никогда он не был склонен к подобным вещам. Время от времени я даже донимала его упреками: «Ты никогда меня не целуешь». «По-моему ты не в своем уме», – как правило, отвечал он. «Но речь не идет о постели, – настаивала я. – Она не в счет. Ты не целуешь меня на улице, на кухне, при посторонних» «Помилуй, как это не целую?» – возражал он. «А вот так. Назови хоть раз, когда такое произошло на улице». «Ну, хорошо, хорошо – обещаю целовать тебя в самых людных местах». Но ничего не менялось.

Сейчас он меня целовал: лоб, щеки, по которым катились слезы, волосы. Внезапно в памяти всплыло интервью с женой одного сенатора, которой недавно удалили грудь. По ее словам операция лишь сблизила их с мужем. Звучало, пусть и сентиментально, но вполне убедительно.

Артур еще крепче прижал меня. А вдруг такое случится с нами, подумала я, и он начнет целовать меня на улице.

5

Едва ли не сразу я принялась обзванивать знакомых. Ужасно хотелось обсудить все с мамой, но не хватило духу. «Стоит ли ее и отца посвящать в это? – размышляла я, – А вдруг, чем черт не шутит, все обойдется?» По-прежнему, несмотря ни на что, я продолжала, как заклинание, твердить: Этого не может быть! Ведь не исключено, а почему нет – диагноз не подтвердится, и домой я вернусь с малюсеньким, как у Милли, шрамиком. Разумеется, существуют еще озвученные страшные цифры. Но вероятное – это еще не достоверное событие, и вполне возможно – со мной, как всегда, все в порядке.

Я позвонила лучшим, заменивших мне братьев и сестер, друзьям, которых нам дарит юность. Я люблю их, и они, порой даже в ущерб себе, платят мне тем же.

Первым был Лео, актер Лео Блюм. Мы познакомились с ним лет семнадцать назад во время закончившегося полным провалом кошмарного театрального летнего турне. Но как бы то ни было, именно в это лето мы стали друзьями. Наши отношения не переросли в роман. Скорее, как ни высокопарно это прозвучит, я обрела брата, а он – сестру. Помню, как после его фиаско на каком-то прослушивании, стараясь хоть как-то его развлечь, я целый день таскалась с ним из одного кинотеатра в другой. В свою очередь он примчался ко мне на такси – что при его средствах было весьма накладно – и с пятого этажа перетаскал на себе мои чемоданы, когда я решила расстаться с приятным во всех отношениях, но порой не в меру буйным живописцем, который мог, явившись некстати, устроить скандал. В более спокойные времена мы регулярно угощали друг друга собственной стряпней, и часто по-дружески, он меня, а я его, приглашали на свидания со своими партнерами. Поначалу тех это, мягко говоря, слегка шокировало. Впрочем, со временем люди начинают воспринимать такое поведение как нормальное. А что еще им остается?

От всего услышанного у него тут же пропал голос. (Любопытно бы узнать, почему в первую очередь отказывает голос?) Почти шепотом он стал подробно расспрашивать меня – что *именно* сказал доктор, знают ли родители и разное другое. Когда вопросы иссякли, я поведала трубку.

Ну вот, теперь и лучшего своего друга я сделала несчастным. Впрочем, подступившее чувство вины меня не остановило. Следующей «жертвой» стала Эрика Абель – самая образованная и утонченная из моих подруг. Профессор, писательница, мать, умница, красавица, но с совершенно расшатанной психикой – едва ли не постоянно на грани нервного срыва. Узнав о случившемся, она долго не могла взять себя в руки. Никогда я не слышала ее такой. Как Лео, шепотом, заикаясь, она даже попыталась меня подбодрить: «М-мо-жет еще об-б-б-ойдется». Увы, попытка не удалась.

Далее на очереди были две лучшие подруги по колледжу: Джоан Саймон, в настоящем оперная певица, с ней мы жили в одной комнате (ее не оказалось дома), и проживавшая в Филладельфии Пат Фишер. Пат, как и Эрика, – себя, кстати, я отношу к тому же типу людей – соединяла в себе не совместимые, на мой взгляд, черты: силу и слабость. Звонок застал ее на пике эмоционального подъема. «Ты все преодолеешь, – внушала она. – Даже, если такое случится, ты справишься». Наверно, она права, повесив трубку, подумала я. Выдержу и вынесу. Но, Господи, избавь меня от этих испытаний! Ну, пожалуйста! Постой, постой – не ты ли давным-давно от Него отказалась. С какой стати Ему помочь тебе?

Я легла. После разговоров по телефону стало легче. Я ощутила так нужную мне сейчас поддержку близких людей. На кухне Артур готовил ужин. В его надежности я не сомневалась, но надолго ли его хватит, если все действительно произойдет. Если...

Артур Герцог III, автор нескольких своеобразных, обративших внимание публики книг, был самым привлекательным мужчиной из всех, кого я знала. Мы познакомились с ним за два

года до женитьбы, на вечеринке. На нем был костюм в тонкую полоску и огромные очки; импозантный, уверенный в себе мужчина; умный и с чувством юмора. Плюс шербинка на верхних зубах по центру и легкое прорывавшееся время от времени заикание, открывших шлюзы для нерастраченных материнских чувств и заставивших меня тут же в него влюбиться. Он переехал ко мне и в совместной жизни оказался еще и обаятельным, восхитительным, остроумным, сексуальным, хотя и несколько эксцентричным. В нем невероятным образом уживались черты художественной натуры и самоуверенность баловня судьбы. Решив, что несомненно он достоин покровительства фортуны, я захотела выйти за него замуж. Но он вовсе не горел желанием на мне жениться, ссылаясь на предыдущий опыт (он уже был несколько раз женат), из которого следовало, что семейные отношения только все портят. А еще он считал моногамию глупостью. Пришлось прибегнуть к обычному приему женщин и выдвинуть условие: женись или мы расстаемся. Что ж, придется выбрать первое, – согласился он. И летом в Дании мы поженились. Иногда мы ссорились, но жили довольно весело. Порой он излишне налегал на спиртное и тогда становился совершенно невыносимым, но, как со временем я убедилась, в основном словесно. Чего не скажешь о многих мужчинах с их красивыми фразами и малодостойным поведением. В этом смысле – Артур им прямая противоположность. Между прочим, именно это меня в нем и подкупало. А его нежелание подыгрывать общественному мнению вызывало даже своеобразную гордость. В моем представлении оно свидетельствовало о цельности его натуры. В конце концов, то, что он никогда не целовал меня на кухне или на улице, не покупал цветы и не осыпал подарками, ничто иное, как продолжение его достоинств. Разумеется, его мужской эгоизм не вызывал у меня восторга. И все же Артур это Артур – без лести, слащавости, угодничества и лжи. Именно таким он мне и нравился. В общем, вполне на уровне – не всегда обходительный, зато подлинный. К тому же интуиция подсказывала – он меня любит, пусть и без внешних знаков внимания. Любила его и я, если уж употреблять слово, смысл которого при размышлении над ним всегда вызывал у меня странное чувство.

И еще мне нравилось быть замужем. Нравилась сама мысль, что человек, с которым я занимаюсь сексом, член моей семьи – как говорится, все в одном флаконе. Я свила гнездо в восточном округе на пятидесятой стрит и была в нем счастлива. К сожалению, время от времени из-за придилок и неприятных стычек мир в доме нарушался. Постепенно я научилась по утрам выкидывать их из головы – до следующего конфликта. Часто предметом разногласий становилась супружеская верность. Он был ее противником, я – сторонником. Он считал супружеские обязательства предрассудком среднего класса, я объявляла его разрушителем семейных устоев. Причина же, на мой взгляд, заключалась в обществе, где не существовало в обществе и отсутствующими в нем на сей счет правил – оба не понимали, как устроен брак и чего мы от него хотим. Попытки испытать друг друга (несмотря на извлеченные из них пару другую уроков) оказались весьма болезненными.

Чаще всего размолвки вспыхивали из-за расхождения во взглядах. Начиналось обычно с неприятного разговора, перераставшего в перепалку, а затем в ссору. Оба понимали, что становимся заложниками семейной рутины. Выяснение отношений стало входить в привычку, от которой оба хотели, но не знали как избавиться. «Ты не согласна ни с одним моим словом», – кричал он. «Единственный способ с тобой общаться – одобрительно кивать в ответ», – не уступала я. Он считал меня чересчур дотошной, я его – легкомысленным. И так без конца. И никто, ни мы сами, ни окружающие, не мог вырвать нас из этого заколдованного круга. В результате с каждым днем отношения становились все хуже и хуже. И тут, в разгар нелегкого и истощавшего обе стороны противостояния, у меня обнаружили рак.

6

«Давно ты видела Глорию Свансон? – начал Юджин. – Выглядит она, скажу тебе, дорогуша, ничуть не хуже проглоченного ею грейпфрута». Юджин – мой парикмахер, чьи эмоционально насыщенные высказывания как нельзя лучше соответствовали его характеру. Наверно поэтому в то воскресное утро я сначала отправилась к нему. А заодно привести себя в порядок на случай совсем уж неблагоприятного развития событий.

После посещения в пятницу Зингермана встал вопрос, как провести остаток недели (в больнице я должна буду появиться во второй половине воскресенья). Утро субботы решила посвятить пустякам. Посетив Юджина, зашла в Блумингдейль⁵. Так или иначе, но даже простая прогулка по этой торговой империи безотказно поднимала мое настроение. Выбрав недешевые серебряные сережки, а к ним дорогие туфли, полюбовавшись нанесенным на палец пробным блеском для губ и побродив еще какое-то время между прилавками с косметикой, я, наконец, вышла на залитую солнцем улицу.

Внезапно почувствовав в животе легкий толчок, – действие валиума⁶ вот-вот закончится – решила вернуться домой. Дома Артур работал над книгой о событиях, связанных с землетрясением. Услышав, как я вошла, он тут же появился на пороге кабинета: «Ну, как ты?»

– Не так плохо. Вот пришла за новой порцией успокоительного. И, взяв со столика рядом с кроватью таблетку, добавила. – Да не смотри ты на меня такими глазами. Выглядел он ужасно, и лишь много дней спустя я поняла почему. Он опасался (в отличие от меня с моими страхами вокруг груди), и не без основания, за мою жизнь.

Вечером с Сюзан и Джоем мы отправились в кинотеатр. В компании с ними, как ни с кем, время летело незаметно. Она, фотограф по профессии, с массой причуд, и он, ирландец по происхождению, вполне успешный поэт-конкретист⁷. Неизменно брызжущий весельем, он, пропустив рюмку, другую, что происходило с ним почти регулярно, становился просто неотразим. Фильм оказался музыкальный с Барброй Стрейзанд в главной роли – идеальный при данных обстоятельствах, если бы не ее дразнящая грудь...

Из кинотеатра зашли к нам. Выпили виски; я тоже, хотя обычно не пью; сыграли в бэ́г-эммон⁸, много смеялись. Выпили еще. Вскоре они ушли. Едва за ними захлопнулась дверь, смеяться и пить расхотелось. Вылив в раковину остатки спиртного, принялась составлять в посудомойку стаканы. Артур укладывал игру. В доме стояла тишина. Неожиданно подступило опьянение. Прошла в спальню, легла на спину и сконцентрировала внимание на неровности потолка, где, по-видимому, проходила электропроводка. Опьянение прошло. Встала. Скинув одежду, направилась в ванную. Потянувшись за висевшей на двери ночной рубашкой, увидела в зеркале свое отражение и замерла. Какие они все-таки симпатичные, разглядывая груди, думала я. Пожалуй, чуть-чуть маловаты, зато никаких проблем с одеждой. А как хорошо стоят. Обычно я обходилась без лифчика (служба, разумеется, не в счет). Поначалу беспокоило, не будут ли окружающие реагировать на проступающие сквозь ткань соски, но, заметив нечто подобное у других женщин, успокоилась.

В 12—14 лет я даже переживала, что так и останусь с маловыразительной грудью из-за своего небольшого в сравнении со сверстницами роста. В те годы, я имею в виду пятидесятые, эталон красоты предписывал иметь большой бюст, так что интерес мальчиков напрямую зави-

⁵ Сеть дорогих магазинов

⁶ Успокоительное средство

⁷ Конкретная поэзия, в которой форма расположения строк влияет на восприятие и понимание стихотворного произведения

⁸ Бэ́гэммон – так в США и других англосаксонских странах называют нарды.

сел от его размера. Впрочем, скорее так думали те, кто не отличался рельефными формами. Смею предположить, девочки противоположной комплекции страдали ни чуть не меньше, но уже совсем по другой причине. Ну, представьте себя на их месте, – быть объектом постоянного внимания из-за двух свисающих огромных штуковин. За-то, если кому-то нравилась такая, как я, можно было не сомневаться – дело точно не в них.

В старших классах грудь, как и я, слегка подросла. Но лишь рост замедлился, она тут же перестала увеличиваться. Долгое время я вообще не понимала, как относиться к происходившим со мной превращениям. Постепенно все встало на свои места. Бывшие когда-то ниже меня мальчики подросли. Теперь с ними можно было танцевать, не сутулясь и не подгибая колен. Да и грудь по размеру соответствовала росту, хотя не была такой, какую мне бы хотелось. Впрочем, специальным лифчиком ее всегда можно было стянуть, приподнять, зрительно увеличить и как на подносе вынести для обозрения любого же-лающего.

Конец моим сомнениям на младшем курсе колледжа положил журнал «Мадемуазель». Однажды к нам в сопровождении фотографа явилась, позвякивая многочисленными браслетами, невысокая худощавая женщина. Ей требовались девочки для показа осенней молодежной коллекции. Меня выбрали для демонстрации красного свитера. Облачившись в него, я предстала перед побрякивающей при каждом движении мадам, в задачу которой входило подогнать одежду перед съемкой. Неожиданно, уставившись на грудь, она нахмурилась. Не решаясь спросить, в чем дело, я, опустив голову, взглянула в том же направлении и вопросительно подняла на нее глаза. Ни слова не говоря, она подошла к заваленному шарфами и украшениями столу и, вытянув оттуда шелковый бежевый шарф, вернулась. «Подними», попросила она.

– Вы хотите сказать, снять свитер? – едва слышно пролепетала я.

– Нет, просто приподними, – как показалось, с раздражением повторила она.

Я загнула свитер, и она принялась стягивать шарфом грудь. После нескольких оборотов, едва затих звон браслетов, я робко спросила: «Но почему...»

– В одежде этого года главное не бюст – отрывисто буркнула она. Я опешила. Моя грудь так велика, что не годится для журнала мод! С тех пор ее размеры меня не волновали.

И вот, много лет спустя, я стою перед зеркалом, ладошкой изо всех сил прижимаю пораженную опухолью грудь и пытаюсь представить, как буду выглядеть после операции. А вдруг останется воронка, если ее выскоблят как дыню. Отвожу руку и долго всматриваюсь в нее, будто навек прощаюсь с родным существом. К горлу подкатывает ком, и на глаза наворачиваются слезы. Стянув с крючка рубашку, натягиваю ее; нашариваю в шкафчике валиум, глотаю таблетку, чищу нос и отправляюсь спать. Глаза я открыла уже в воскресенье.

7

Сколько же формальностей и по большей части таких обременительных приходится преодолеть прежде, чем тебе позволят занять место в больничной палате! Впрочем, в этом есть и хорошая сторона. Все эти требующие заполнения бланки, анализы крови, рентгеновские снимки и кардиограммы не оставляют ни минуты на размышления.

В голосе снимавшего кардиограмму мужчины послышался знакомый акцент. «Вы, случайно, не гаитянин?»

Быстрый взгляд, и лицо озаряет открытая, отвлекающая от грустных мыслей лучезарная улыбка. «Как вы догадались?»

– Довелось однажды побывать. В ответ еще одна демонстрация зубов ослепительной белизны.

– С чем вы? – подключая прибор, пытается он поддержать разговор.

– Рак груди, – и тотчас сожалею о сказанном. Он вздрагивает, и улыбка исчезает с его лица.

– Но ведь точно еще неизвестно. Может обойдется.

– Да, пожалуй, вы правы, – соглашаюсь я. – Не исключено, что все не так плохо.

Наконец, следом за ассистенткой, в сопровождении Артура я направляюсь в одноместную палату, за которую пришлось доплатить – моя страховка покрывала пребывание лишь в двухместной. Не хотелось при худшем варианте – не дай Бог, конечно, – стать объектом внимания посторонних людей. Чистая, просто обставленная комната с окнами на автостоянку. Разобрала сумку и аккуратно разложила по местам вещи. Расположившись на единственном стуле, Артур погрузился в воскресное приложение к «Нью-Йорк Таймс». Взглянула на постель. «Вот здесь я и буду лежать», – пронеслось в голове. Разделась, натянула ночную рубашку и легла меж белоснежных хрустящих простыней. «Тебе не кажется, что довольно глупо лежать в постели, чувствуя себя совершенно здоровой?» – попыталась я заговорить с Артуром. Оторвавшись от газеты, он хотел что-то ответить, не смог и снова уткнулся в газету. «А ведь я больна» – несколько раз мысленно повторила я, словно, как в детстве, в наказание за ложь пишу на доске одно и то же: Я больна, я больна.

Под вечер со скрэблом⁹ в руках пришел наш общий друг-архитектор рыжебородый Алан Бухсбаум, ходивший круглый год, даже зимой, в каких-то немислимых сандалиях, и с ним, нетвердо держась на ногах, с сигаретой в зубах Эрика. На лице ее, как маска, застыла странная улыбка. Стул был один, и Алан с Эрикой устроились на полу. Скоро наполнившись дымом сигарет Артура и Эрики палата стала напоминать бар клуба одиночек. (Дверь мы предусмотрительно закрыли. Вряд ли тут разрешается курить. Первое усвоенное из больничных правил: на одноместную палату они не распространяются.)

Начали партию. Ни прошло и 10 минут, как играть рас-хотелось, хотя обычно играю с удовольствием. «Извини, что-то я подустала» – вдруг почувствовав себя совершенно разбитой, прервала я Алана, пытавшего составить слово из семи букв. Тем более удивительно, что накануне от трех таблеток валиума я проспала почти девять часов.

За окнами стемнело. Автостоянка почти опустела. Часы посещения закончились, и Алан с Эрикой, не зная, что сказать, без лишних слов простились. Дверь за ними зак-рылась. Разговор не клеился; причина явно была во мне. Я никак не могла сосредоточиться. Артур попробовал заговорить, но мысли мои путались. Снова и снова я возвращалась к одному и тому же:

⁹ Скрэбл – игра, в которой, используя фишки с нанесенными на них буквами, игроки на специальной доске выкладывают слова. (В России известна, как «Эрудит»).

если я так больна, почему не чувствую этого? Как такое могло случиться? И именно *со мной*? Неужели все *действительно* произошло?

Неожиданно вошел д-р Зингерман. По его словам с вечерним обходом. «Как дела?» – бодро начал он.

– Прекрасно – поддержала я предложенный тон, всем видом давая понять, что случившееся в прошлый раз не повторится.

Присев в ногах на край постели, он стал рассказывать о различных видах мастэктомии точно в тех же выражениях, как и несколько дней назад у себя в кабинете. На сей раз его лекцию я выслушала с большим вниманием. Говорил он быстро и заучено, как стюардесса, информирующая пассажиров при взлете самолета о правилах пользования спасательными средствами. Несколько раз я попросила разъяснить непонятные места. Ситуация выглядела совершенно дурацкой – многое из того, о чем он рассказывал, было хорошо мне известно из собственных репортажей. Только там я выступала в роли продавца, а теперь мне досталась роль покупателя.

До пятидесятых годов, – разъяснял он – если опухоль оказывалась злокачественной (почему все-таки они *никогда* не говорят «рак»?), мы проводили в основном «радикальную» мастэктомию, полностью удаляя грудь, лимфатические узлы в области подмышечных впадин и пекторальные мышцы.

– Вы имеет в виду грудную мышцу? – переспросила я.

– Именно, – интонацией дав понять, что не склонен отвечать на мои вопросы. – Далее идет простая или «полная» мастэктомия, когда удаляют только саму грудь. Существует еще лампэктомия, когда вырезают опухоль и непосредственно прилегающие к ней ткани. Стоить, однако, заметить, такая операция сопряжена с риском, так как нет способов достоверно убедиться, не проникли ли метастазы в соседние ткани. Между тем «радикальный» вариант вовсе необязателен. Исследования показали – процент удачных исходов при «радикальной» и, так называемой, «модифицированной радикальной» мастэктомии практически один и тот же. (Тут, совсем некстати, мне припомнились сообщения в прессе о хирургах, изуродовавших своих пациенток «радикальным» иссечением и скрывших от них, что по показаниям в нем не было никакой необходимости.)

Мне, как и большинству своих пациенток, он намерен предложить именно «модифицированное радикальное» иссечение, когда с грудью удаляются лишь несколько наиболее близко прилегающих к ней лимфатических узлов (исходя из предположения, что метастазы отсутствуют). Иными словами, перевела я на свой язык – грудь тебе так и так отрежут, а вот грудную клетку долбить не будут.

– Моя обязанность, добавил он, проинформировать вас, что по просьбе пациентки мы можем сначала сделать биопсию, а по ее показаниям – мастэктомию. Я слышала о женщинах, которых врачи выводили из общего наркоза только для того, чтобы обсудить с ними, как действовать по результатам биопсии. Меня всегда поражало отсутствие логики в таком подходе. Что, кроме мастэктомии, можно выбрать, если биопсия выявила раковые клетки? Ничего не оставалось, как согласиться с его предложением. В конце концов, что я в этом понимаю? Придется положиться на его профессиональную репутацию и поверить на слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.